

Сов. секретно
Только лично

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
тов. СТАЛИНУ И.В.

Хочу изложить Вам свои впечатления по прошедшему 11.У1.37 процессу контрреволюционной военной фашистской организации на заседании специального присутствия Верховного Суда Союза ССР по обвинению в измене Родине, шпионаже, вредительстве и диверсионной деятельности Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путна.

При открытии заседания суда подсудимым было зачитано обвинительное заключение, которое произвело на них исключительно сильное, подавляющее впечатление. Особенно растерялись Эйдеман и Фельдман, хотя и все подсудимые с точки зрения мужества производили весьма жалкое впечатление. Внешне они выглядели жалкими ничтожными слюнтяями.

Допрос начался в следующем порядке: Якир, Тухачевский, Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна, Примаков, Фельдман. В таком же порядке им было предоставлено последнее заключительное слово.

В своем выступлении на заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры. К этому они должны были притти двумя путями: во-первых, свержением существующей власти внутренними силами, при помощи вооруженного переворота и, во-вторых, если первое не будет осуществлено, то при помощи военного поражения, с участием интервентов в лице германского фашизма, японского империализма и Польши. При последнем варианте, в виде компенсации интервентам, им отдавалась часть территории нашего государства: Украина - Германии, Дальний Восток - Японии.

Для поражения советских армий у заговорщиков была договоренность с германским Генштабом в лице генерала Румштедт и генерала Кестринга и специально составлялся план поражения РККА во время войны.

Как в первом, так и во втором случаях средства для свержения Советского правительства и руководства партии применялись все без исключения. Ничем не брезговали: террор, шпионаж, диверсия, вредительство, провокация, компрометация руководителей партии, правительства, армии и советской власти.

По словам Якира, у них было решено, что для данного дела все средства хороши.

Возникновение заговора относится по сути дела к 1934 году, а до этого, начиная с 1925 года, по выражению Якира, происходила "беспринципная групповщина". Другими словами, шли разговоры о неудовлетворительном руководстве армией, неправильном отношении со стороны руководства партии и правительства к "известным" "большим" людям зиновьевско-троцкистской и правой оппозиции. Также были подвергнуты резкой критике мероприятия партии и правительства при коллективизации 1930-31 г.г.

В 1934 году от этих "беспринципных разговоров" перешли к об"единению единомышленников и в своем кабинете Тухачевский заявил, что от слов пора переходить к делу и тогда же было решено, что деловыми вопросами должны стоять вербовка единомышленников в РККА. Для этого наиболее подходящими в армии были троцкисты, зиновьевцы и правые. Было решено этих людей всячески популяризировать в общественно-армейском мнении и продвигать по службе на ответственные посты по строевой, политической и хозяйственной линии, а также по вооружению и организационно-мобилизационной работе.

Как на политическую фигуру заговорщики ориентировались на Троцкого и его блок, в который входили троцкисты, зиновьевцы, правые, националисты, меньшевики, эсеры и т.д.

Считалось, что для выполнения всех этих задач должна быть прежде всего строжайшая армейская конспирация. Для этой цели применялась тактика двурушничества в партии и очковничество в работе.

К концу Якир заявил, что в нем сочетались два Якира. Один, дескать, советский, а другой - враг народа, шпион, предатель, диверсант, террорист - все, что хотите.

В последующих выступлениях подсудимых, по сути дела, все они держались в этих же рамках выступления Якира.

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако, при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия, по сравнению с германской и польской армиями, по своей численности была на 60-62 дивизии меньше. Этот явный перевес в вооруженных силах вероятных противников СССР повлиял-де на него, Тухачевского, и в связи с этим он видел неизбежное поражение СССР, и что это и явилось основной причиной стать на сторону контрреволюционного военного фашистского заговора.

Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его, якобы, никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: - Как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским Генеральным Штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 года. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал, кроме разговоров на словах, хотя тут же признает, что это тоже шпионаж.

После этого тов. Ульрих ему зачитал его же показания, где Тухачевским было написано, что он лично передал письменный материал агенту германского Генштаба по организации, дислокации и группировке мото-мехчастей и конницы БВО и УВО и что по его же, Тухачевскому, заданию Аппога передал гер-

манскому агенту график с пропускной способностью военных сообщений, а Саблин, по его же заданию, передал схему северной части Летичевского укрепленного района.

После вышесказанного Тухачевский показал то, о чем уже говорил Якир с разницей в некоторых вариациях.

Уборевич в своем выступлении держался той же схемы выступления, что и Якир. Ничего нового не добавил. Но пытался отрицать свое участие в заговоре до 1934 года и что до 1934 г. он-де, Уборевич, работал честно. Между тем, при заданном вопросе Тухачевскому, как их заговорщический центр оформлялся и кто входил в этот центр, Тухачевский ответил, что специальной конституции о центре заговорщиков писано не было, но активными участниками центра были: Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Фельдман, Примаков, т.е. что это был сговор.

Заговорщическая деятельность между Тухачевским и Гамарником была распределена следующим образом: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк работали по Западу, а Гамарник - по Востоку. Якир заявил, что он был особо близко связан с Гамарником обоюдной информацией и что Якир информировал Гамарника о своей деятельности в УВО, а Гамарник информировал Якира по Дальнему Востоку. Якир показал, что он не помнит случая, чтобы Гамарник обсуждал вопросы совместно с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и Корком. Это подтвердил и Уборевич, добавив, что он, Уборевич, с Гамарником по заговорщическим вопросам вообще не разговаривал, но знал, что он является членом центра.

Корк в своем выступлении показал, что он являлся участником заговора и членом центра с 1931 года. В связи с этим, Корк высказал свое недоумение в том отношении, что Тухачевский, Якир и Уборевич знали о кремлевском заговоре с 1931 года, которым руководил Енукидзе, и даже знали все детали плана этого заговора, но почему-то на суде об этом не говорили, считая себя заговорщиками только с 1934 года.

Корк показал, что о кремлевском заговоре он, Корк, докладывал Тухачевскому в 1931 г. в присутствии Якира и Уборевича и отсюда Корк делает вывод, что Тухачевский, Уборевич и Якир официально вступили в заговор в 1931 г., а не в 1934. - "Неужели же они, - говорит Корк, - слушая мой доклад о кремлевском заговоре, еще не были членами и соучастниками заговора? Все это они скрывают от суда, скрыли и от следствия".

Дальше Корк показал, как должен был развернуться заговор в самом Кремле, в который были вовлечены: он, Корк, Горбачев, Егоров - бывший начальник школы им. ВЦИК и Именинников - помполит школы ВЦИК.

В остальном Корк говорил то же, что уже показывал на предварительном следствии. Но особенно Корк подчеркнул вопрос о пораженческом плане в отношении Красных Армий во время войны и, в связи с этим планом, он остановился на последних военных играх, проводимых Генштабом РККА, где считалось, что Латвия, Литва и Эстония будут нейтральными государствами во время войны, тогда как на самом деле немцы должны были организовать главную группировку своих сил с таким расчетом, чтобы ударить в правый фланг красным армиям именно через нейтральные государства. На мой вопрос - почему же Корк считает, что немцы должны наносить главный удар с территории нейтральных государств, откуда ему это известно и знал ли Корк о том, что такой сговор нейтральных государств с немцами имеется уже теперь, или же он сам предполагает, что немцы не будут считаться с нейтралитетом этих государств - Корк ответил, что это ему известно со слов Тухачевского и других источников он не знает. Однако, он, Корк, считает, что этот вариант является явно вредительским и пораженческим именно потому, что Генштаб РККА в своих планах исходил из того, что нейтралитет упомянутых государств немцами нарушен не будет. На военной игре Тухачевский играл за "синюю" сторону и умышленно держался указанного взгляда Генштаба РККА, т.е., что нейтралитет этих государств Германией нарушен не будет и поэтому

Тухачевский направлял главный удар германских армий несколько южнее, чтобы не создать впечатление, что Германия будет бить со стороны нейтральных государств.

Несмотря на то, что этот исключительно актуальный вопрос все же не был уточнен дополнительными показаниями Тухачевского, тем не менее члены суда считали, что по этому вопросу Тухачевского спрашивать не следует. Я же лично полагаю, что этот вопрос, весьма интересный с той точки зрения, что, видимо, Тухачевскому было известно о сговоре Германии по этому вопросу с так называемыми нейтральными в период войны Прибалтийскими государствами.

После этой игры, показывает Корк, заговорщики считали, что они добились самого главного во вредительстве, преследующего целью поражение Красной Армии.

Далее Корк показал, что он, будучи Командующим Войсками Московского Военного Округа, проводил при помощи Енукидзе, Ягоды, Горбачева, Векличева, Аронштама, Германовича, Егорова и Именинникова подбор командного и начальствующего состава с тем, чтобы Московский гарнизон, помимо заговора в Кремле, был бы способен совершить вооруженный переворот. Для этой цели Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир и он, Корк, подбирали специальные кадры. Они стремились назначать своих людей на должности командиров войсковых частей и соединений, начальников складов, строительства, работников по вооружению, мобилизационной работе, боевой подготовке и т.д. Между прочим Корк заявил, что ряд вопросов, которые ему стали известны только на самом суде, раньше для него не были известны. Видимо, предполагает Корк, руководители заговора, в лице Тухачевского, от него многое скрыли, как, например, работу Гамарника по Востоку и связь с Троцким, Бухариним и Рыковым. Однако Корк показал, что ему все же было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми, как на временное явление. Об этом Тухачевский говорил Корку в том смысле, что троцкисты, правые и т.д. только

попутчики до поры до времени, а когда будет совершен вооруженный переворот, то он, Тухачевский, будет в роли Бонапарта. И 29 ноября 1934 года, как показывает Корт, Тухачевский у него на квартире об этом заявил совершенно определенно при всех присутствовавших там.

Эйдеман на суде ничего не мог сказать, а просто поднялся и сказал, что он, Эйдеман, ничего больше, кроме того, что он показал на предварительном следствии, показать не может и признает себя виновным.

Путна - этот патентованный шпик, убежденный троцкист современного типа троцкизма, действующего под знаменем фашизма, показал, что, состоя в этой организации, он всегда держался принципов честно работать на заговорщиков и в то же самое время сам якобы не верил в правильность своих действий. На вопрос тов. Дыбенко об издевательствах над т. Беловым в Берлине Путна ответил, что это только один небольшой эпизод из совершенных им более важных и серьезных преступлений.

Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех. Но в своем выступлении ничего, кроме того, что он показал на предварительном следствии, не добавил. Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористической группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других, а также и то, что он якобы до ареста руководил ленинградской террористической группой в лице Бакши - бывшего начальника штаба мехкорпуса и Зюка. Отрицал он это на том основании, что якобы ему, Примакову, Троцким была поставлена, более серьезная задача - поднять в Ленинграде вооруженное восстание, для чего он, Примаков, должен был строго законспирироваться от всех террористических групп, порвать свои связи со всеми троцкистами и правыми и тем самым завоевать авторитет и абсолютное доверие со стороны партии и армейского командования.

Примаков однако не отрицал, что он раньше руководил террористической группой и для этого просил Шмидта на должность командира мехкорпуса.

В связи с этим специальным заданием Троцкого Примаков обрабатывал 25 кавдивизию во главе с командиром дивизии Зыбиным. По его словам, Зыбин должен был встретить на границе Троцкого при овладении повстанцами Ленинградом. Для этой же цели подготавливали одну СД и МК. Какую именно СД - я не помню, но по его выступлению можно установить.

Фельдман показал то же самое, что и Корк в том смысле, что Фельдману то же не все было известно о планах заговорщиков и он узнал много нового из обвинительного заключения и в процессе суда. Тем не менее Фельдман признал себя активным членом центра с 1934 года, но подчеркнул, что обработка его Тухачевским началась уже с тех пор, когда он служил в Ленинградском Военном округе, которым командовал Тухачевский.

Фельдман признает, что именно в этот период он сблизился с Тухачевским и когда Тухачевский, будучи уже зам.наркома, поставил перед Фельдманом вопрос о существовании заговора Фельдман заколебался - взять ли Тухачевского за шиворот и выдать, или присоединиться к заговорщикам. Сделал последнее.

Далее Фельдман показал, что по заданию Тухачевского и Гамарника он подбирал сторонников организации на соответствующие должности. Причем, когда он однажды доложил Тухачевскому о результатах своей работы, то Тухачевский был очень недоволен ею, так как Фельдман еще не завербовал никого из более менее известных фигур. И поэтому, когда Фельдман лично завербовал Аппогу, Ольшанского, Вольпе и других, то этим Тухачевский остался доволен.

Фельдман признает, что многих из намеченных организацией кандидатов на ответственные должности назначить не удалось, потому что народный комиссар обороны часто не соглашался с его Фельдмана, предложениями, хотя эти предложения и проходили с большим нажимом на наркома со стороны Якира, Уборевича, Гамарника и Фельдмана.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ

Якир:

Якир говорил 5-7 минут. Заявил, что он был честным бойцом до 1934 года, после чего изменил и стал врагом революции, партии, своего народа и Красной Армии, но в нем все время сидели 2 человека: один Якир - красноармейский, другой Якир - враг. Вместе с тем Якир считает, что эти два человека - один враг, а другой советский довели на него включительно до того времени, пока он не попал в стены НКВД, а когда он, Якир, будучи арестованным, сказал всю правду следствию, говорит всю правду суду и всем присутствующим на суде, что он, Якир, разоружился, как контрреволюционер, и стал настоящим гражданином Союза, что он "любит" армию, "любит" советскую страну, "свой" народ и снова готов работать "почестному", как "большевик", что он "предан" без остатка тов. Ворошилову, партии и тов. Сталину, - поэтому просит смотреть на него теперь так, каким он был прежде.

Что касается его вредительства в РККА, то он показал то же, что и на предварительном следствии.

Тухачевский:

Тухачевский не добавил ничего, кроме того, что показал на предварительном следствии, но в то же время пытался очень туманно сказать, что в нем также сидели два человека: один - советский, а другой - враг и что он также просит суд учесть, что он до 1934 года работал, как "честный большевик и боец".

Тухачевский с самого начала процесса суда, при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие и все, что записано в обвинительном заключении - все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, из-за нее и такого быстрого следствия и суда.

В конце концов Тухачевский виновным себя признал.

Уборевич:

Уборевич в своем заключительном слове выступил по-военному кратко.

Суть его речи заключалась в том, что он сказал: "Я прошу, граждане судьи, учесть, что я честно работал до 1934 года и мое вредительство на авиационные части и на выбор укрепленных районов, с точки зрения их тактической полезности, не распространялось, потому что укрепленные районы выбирались тогда, когда я не был еще вредителем и врагом. В последующем я вредил тем, что их не вооружил по-настоящему и некоторые амбразуры на точках укрепленных районов были направлены не в сторону противника, а в сторону, невыгодную для обороняющегося, т.е. преследовал цель поражения укрепленных районов".

Что касается плана поражений, то Уборевич предлагал построить эшелоны вторжения таким образом, что они должны были в первые дни войны погибнуть, особенно конница.

Дальше Уборевич сказал: "Я, Уборевич, совершил перед партией и советским народом ничем некупаемое преступление. Если бы было у меня тысячу жизней, то и они не смогли бы искупить преступления. Я изменил, как солдат, присяге. Меня за это должны наказать со всей строгостью советских законов. Но я также прошу учесть, что я раскаялся в стенах НКВД, когда показал честно и до конца все свои преступления".

Корк:

Корк в своем заключительном слове сказал:

"Я совершил преступление перед правительством и народом, перед Советской страной. До 1931 года я был честным бойцом и командиром, а потом сделался врагом, шпионом, агентом, диверсантом, предателем...". Когда Корк произносил эти слова, в его голосе слышался плач, он прослезился, после чего сделал подминутную паузу и продолжал: "...Прошу суд учесть, что я был честным бойцом до 1931 г. и теперь разоружился и считаю себя советским гражданином и умираю, как советский гражданин. Пусть об этом знает наша партия, Советская власть

и народ. Я совершил такое преступление, которое одной жизнью искупить нельзя. Пусть на моем примере учатся другие. Пусть знают, что Советской власти изменять нельзя. Мы видим как развивается в нашей стране социализм. Во время коллективизации сельского хозяйства я колебнулся и попал в лагерь фашизма.

Надеюсь, что Советская власть на основе Сталинской Конституции, где сказано в одной из статей, что советский народ великодушен и что он даже врагов может помиловать, - учтет это.

Эйдеман:

Эйдеман для произнесения заключительного слова еле поднялся на ноги, уперся обеими руками на впереди стоящие перила и начал свою речь с того, что он-де, Эйдеман, случайно попал в эту организацию будучи обижен при присвоении военных званий, будучи недоволен руководством армией, а также политикой партии в деревне при коллективизации, что он, Эйдеман, невольно примкнул к этой контрреволюционной организации и совершал по ее заданию (и прежде всего по заданиям Тухачевского и Гамарника) невероятные преступления.

Он говорил: "Я, Эйдеман, упал в такую пропасть, у которой нет дна. Я давал задания людям, которые мною были завербованы и они перечислены мною в материалах предварительного следствия, я давал задание взорвать Донской мост. Это задание я давал через Иванова; задание взорвать мост через Волгу я давал через Председателя Горьковского краевого осоавиахима. Взрывы мостов должны были быть выполнены во время войны. Эти задания я получал непосредственно от Тухачевского. Я насаждал контрреволюционные повстанческие организации среди донских и кубанских казаков по заданиям Тухачевского и Гамарника. Кто именно готовил эти восстания, об этом знает зам.председателя осоавиахима в Ростове и зам.председателя ОСО в Горьковском крае.

Во мне, Эйдемане, было также 2 человека. Не легко было давать эти задания, когда я видел развитие победоносного шествия социализма. Я много раз думал: кто я - больше совет-

ский человек или враг? И тогда на меня давила наша контрреволюционная организация и я выполнял ее задания. В то же время, когда я давал задания, я чуть не плакал. Я понимал, что я враг народа, народа, который меня любит и доверяет.

Я прошу суд учесть, что я был преданным бойцом до 1934 года, потом стал врагом. Думаю, что моя контрреволюционная работа все же меньше имеет результатов, чем работа советская. Я прошу суд это учесть".

Путна:

Путна в своем заключительном слове сказал: "Конечно, никакой пощады от суда я не прошу, но прошу суд учесть, что я - командир РККА, во время революции дрался за нее. Тем не менее после гражданской войны я стал крепким сторонником Троцкого. Я считал: то, что говорит Троцкий - это все правда. Разумеется, я не вникал в большевистскую сущность революции, хотя органически чувствовал, что я с большевиками, но тем не менее оставался троцкистом. Я никогда не задумывался о том, куда меня приведет моя троцкистская позиция. Я должен честно сознаться перед судом, что так же, как и у других подсудимых, у меня теперь создалась определенная вера в "наше" великое большевистское государство. Я чистосердечно раскаялся в стенах НКВД и стал честным советским гражданином. Во мне тоже сидели 2 человека: один - красноармеец, другой - предатель, преступник - что хотите. Я нарушил нашу красноармейскую присягу, а в ней говорится, что "тот, кто изменил Советской власти, правительству и Красной Армии, карается беспощадной революционной рукой". Поэтому я не прошу никакой пощады, но надеюсь, что граждане судьи учтут мое честное пребывание командиром в РККА ранее и сделают отсюда соответствующие выводы".

Примаков:

Примаков в своем заключительном слове выступил с такой речью:

"Я, Примаков, хочу, чтобы суд и судья знали, с кем они имеют дело. Нам, восьмерке подсудимых, я хочу дать анализ: во-первых, подсудимым; во-вторых, нашей контрреволюционной фашистской организации; в-третьих, под чьим знаменем мы шли.

Кто такие подсудимые по социальному положению?

Эти люди в социальном отношении представляют из себя сброд. Кто такой Тухачевский? Этот тип принадлежит к обломкам контрреволюционных офицерских заговоров против Советов. Его родина - фашистская Германия.

Корк, Уборевич, Эйдеман и Путна имеют свою родину в своих странах. Там у них и семьи и родные. Это и есть их родина.

Якир - этот купец 2-ой гильдии в Румынии, там имеет семью. Там у него и родина.

Фельдман - американский купец. Родина, семья и родня у него в Америке. Там у него и родина.

А я, Примаков, являюсь охвостьем так называемой мелкой буржуазии с троцкистскими настроениями, прошедший школу троцкизма от начала до конца в течение 18 лет. В этой школе сосредоточились отбросы человеческого общества. Самым злым и заядлым врагом являлась и является троцкистская оппозиция и люди в ней участвующие.

Скажите же, граждане судьи, где у них и у меня родина? Советский Союз для них временное пристанище. Родина подсудимых там, где живут их семьи, с кем они связаны. Там их родина, а не в СССР.

Я не желаю никому на свете попасть в эту фашистско-троцкистскую яму.

Я должен сказать честно и открыто перед судом, что мы нарушили красноармейскую присягу и нас всех надо расстрелять и уничтожить, как гадов, преступников и изменников советскому народу. Мы все знаем, что советский народ и его партия, большевики, ведут страну к счастью - к коммунизму.

Я также, как и другие, был человеком двух лиц.

Я должен также передать суду свое мнение о социальном лице контрреволюционной организации, участником которой я являлся. Что это за люди? Я знаю половину людей этой организации, как самого себя, - это человек 400. Вторую половину я тоже знаю, но несколько хуже. А всех 800-1000 человек в нашей армии и вне ее.

Если дать социальную характеристику этим людям, то, как ни странно, я пытался вербовать людей из рабочих, но из этого ничего не получилось. В нашей организации нет ни одного настоящего рабочего. Это суду важно знать. А отсюда я делаю вывод, что мы, заговорщики, вообразили, что можем руководить великой страной, советским народом и что для этого нужно полдюжины или дюжина Наполеонов. Мы были Наполеонами без армии. Мы работали на фашистскую Германию. Но совершенно ясно, что из этой полдюжины Наполеонов остался бы один Наполеон и именно тот, который беспрекословно выполнял бы волю Гитлера и фашистской Германии.

Фельдман:

Фельдман в своем заключительном слове остановился на том, что их центр сложился не в 1934 г., а в 1931 г. и больше того, что он показал на предварительном следствии показать не может.

Тем не менее Фельдман пытался об"яснить, как он запутался в этом деле и указал, что его предварительно обрабатывал Тухачевский, еще будучи в Ленинградском Военном округе, а потом он стал на контрреволюционную позицию и выполнял задания Тухачевского.

Относительно своей родины Фельдман сказал, что он до Советской власти не имел никакой родины и был гоним, как еврей. В старой армии он служил ефрейтором, а в Красной Армии дослужился до комкора, что соответствует чину генерал-лейтенанта. И все же это не помешало ему стать контрреволюционером. Будучи самым близким человеком к Наркому Обороны, облеченный властью и доверием, он врал и обманывал Наркома обороны, как враг.

Далее Фельдман говорил, что он работал как честный красноармеец до оформления себя, как контрреволюционера, и просит суд, при всех присутствующих на суде, снисхождения к себе, что он якобы запутался и попал в это дело совершенно неосознанно. Вместо того, чтобы взять за шиворот Тухачевского и привести его к Наркому, он был малодушен.

Фельдман просит суд простить его, обещает честно работать, что он в стенах НКВД разоблачился, снял с себя всю грязь и хочет на деле смыть это своею кровью, быть до конца преданным партии и Советской власти.

Вывод:

1. Тухачевский, Гамарник, Корк, Якир, Уборевич, Примаков, Путна, Фельдман и Эйдеман - это патентованные шпионы и не с 1934 года, а с 1931 года, а некоторые и раньше затесались к нам с самого начала революции. А для того, чтобы скрыть свою шпионскую и контрреволюционную деятельность до 1934 года, подсудимые, разоблаченные в этом Корком, пытались выставить Корка, как вруна и путаника.

2. Участие Гамарника в заговоре все подсудимые безусловно пытались скрыть, повидимому из тех соображений, что Гамарник, представляя из себя политическую фигуру, вербовал политсостав в армию и, видимо, был связан не только с верхушкой правых, троцкистов и зиновьевцев, известных нам, но и с рядом других ответственных гражданских работников.

3. Из показаний подсудимых Тухачевского, Корка, Якира и Уборевича видно, что план поражения красных армий во время войны они решили разработать по своей инициативе и только после этого согласовать его с германским Генеральным Штабом.

В связи с этим во время оперативных игр, проводимых Генштабом РККА, они делали, для своего пораженческого плана, соответствующие наметки, но ввиду своего ареста они его не доработали и якобы не успели передать германскому Генштабу.

От генерала Румштедта Тухачевский получил указание, чтобы в пораженческом плане были предусмотрены вероятные направления главных ударов германских армий: одно на Украи-

не - Львов, Киев и второе - захват повстанцами Ленинграда, что было бы наиболее выгодно Германии, так как последняя может оказать помощь повстанцам своей довольно значительной авиацией, при чем эта авиация должна была рекламироваться как авиация, перешедшая со стороны красных войск к повстанцам.

Кроме помощи авиацией предполагалась помощь Германии в вооружении и всем необходимым для успешного развития операции по захвату Ленинграда.

Подсудимые, хотя и заявили о том, что они пораженческого плана германскому Генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть не столь подробный, все же германской разведке был передан. Это облегчалось тем, что Кестринг почти постоянно находился в Москве и мог его получить тотчас же по окончании оперативной военной игры Генштаба РККА. Не обязательно было передавать письменный материал, когда это можно было сделать и на словах.

4. Будет ли использована территория нейтральных во время войны Прибалтийских государств для сосредоточения и удара германских армий по правому флангу наших армий Западного фронта?

Мне кажется, этот вопрос сомнений не вызывает. Я считаю, что немцы этим, безусловно, воспользуются. Все данные разведывательного характера, с которыми я имел возможность знакомиться, говорят именно за это. Достаточно даже бегло изучить аэродромную сеть Латвии, Литвы и Эстонии, форсированно развивающуюся первые последние годы, чтобы понять, что эти аэродромы как по количеству, так и емкость их, не рассчитаны на малочисленную авиацию Прибалтийских государств, а рассчитываются на многочисленную авиацию Германии.

Поэтому я считаю необходимым еще раз просмотреть оперативно-стратегические планы и наметить вытекающие отсюда мероприятия.

Не могу не высказать своего мнения в отношении "дружеского" приезда Мунтерса именно в связи с разоблачением

контрреволюционной и шпионской шайки. Мне кажется, его приезд связан с провалом и разоблачением этой организации, как маскировка и, видимо, по указке Гитлера.

Исходя из последнего, я считаю абсолютно необходимым всеми возможными средствами это дело проверить.

Маршал Советского Союза

С. Буденный

26 июня 1937 года

№ 0039

Г. Москва.

30-кс, ае.